

Історичні нариси

Цимбалюк В.И., Хоминская З.Б., Хоминская М.Б.

Профессор Борис Степанович Хоминский

Институт нейрохирургии им акад. А.П. Ромоданова НАМН Украины,
Институт педиатрии, акушерства и гинекологии НАМН Украины,
Национальный медицинский университет имени А.А. Богомольца МЗ Украины, г. Киев

Руководитель отдела нейрпатоморфологии Института нейрохирургии АМН Украины имени акад. А.П. Ромоданова профессор Борис Степанович Хоминский родился 10 января 1896 г. (28 декабря 1895 г. по старому стилю). Вскоре после рождения ребенка семья переехала в г. Стародуб Черниговской губернии (сейчас Брянская область), где отец Бориса Степановича Степан Федорович Хоминский занял должность земского врача.

Земская медицина была введена в Российском государстве в 1864 г. Земские врачи были истинными подвижниками: ради своего народа, и прежде всего простых крестьян, презрев благополучие, оставляли устроенность городской жизни, перспективы блестящей карьеры в столичных и университетских клиниках и уезжали в глубинку. Носители высоких морально-этических норм и общественных принципов, именно земские врачи оказали существенное влияние на формирование лучших традиций отечественной медицины для многих последующих поколений врачей. Из постоянных врачебных пунктов в уездных городах земские врачи выезжали в самые отдаленные, глухие деревни и села в экстремальных ситуациях: трудные роды, эпидемии, тяжелые травмы. Н.В. Склифосовский считал земского врача «основной фигурой среди русских врачей». Земские врачи были ядром общественной медицины, впервые организовав систему медицинской помощи на базе сельского врачебного участка, они заложили основы профилактической медицины, санитарной статистики и т.д.

В Стародубе сохранился большой деревянный дом, известный как дом земского врача С.Ф. Хоминского. Хотя прошло уже 70 лет с того печального дня, как Степан Федорович ушел из жизни, светлая память о нем не угасла. Да и как можно забыть врача-подвижника с неизменно добрым, приветливым взглядом и ласковой улыбкой, который и в лютый мороз, и в летний зной спешил на помощь в самые заброшенные села. Второй после Бога у больных, он мог все: выполнить кесарево сечение в крестьянской хате или офтальмологическую операцию, спасти и выхаживать больных сыпным тифом.

Во время Русско-японской войны 1905 г. С.Ф. Хоминский оставил жену с четырьмя детьми и по велению сердца поехал исполнять врачебный долг в очаг военных действий, где вновь и вновь спасал жизни воинов. Несмотря на заслуги Степана Федоровича, в 30-е годы XX века городские власти Стародуба начали намеренно ухудшать его жилищные условия, утеснять семью уже немолодого врача. Обладая мягким, но независимым характером, высоким чувством собственного достоинства и внутренней свободы, Степан Федорович, не желая спорить с властями, ушел на пенсию и уехал в глухое село Посудичи, где купил небольшую хатку под соломенной крышей на

две комнаты. И здесь он пользовался неизменным признанием и уважением крестьян, которые потянулись к нему из самых отдаленных деревень. Так, слушая своим неизменным деревянным стетоскопом больную крестьянку, земский врач Степан Федорович Хоминский 9 мая 1940 г. ушел из жизни.

Зинаида Михайловна Хоминская — мать Бориса Степановича, выпускница Московского института благородных девиц — всегда была надежной помощницей и верным другом своего мужа. Их дом в Стародубе стал одним из притягательных культурных центров городской интеллигенции. Понятия долга и чести были принципом, на котором строилась жизнь семьи, материальные блага никогда не были ее основой; о деньгах, их наличии или отсутствии не принято было говорить. Так воспитывались дети, а потом и внуки. На книгах, купленных внукам в подарок, цену тщательно затушевывали: ценность представляла сама книга, деньги же не должны были интересовать ребенка.

В г. Стародубе будущий профессор Б.С. Хоминский поступил в мужскую гимназию, директором которой был Р. Киричинский — отец известного киевского физиотерапевта А.Р. Киричинского, закончил учебное заведение с золотой медалью. Гимназия давала прекрасное образование, знание четырех языков: латыни, греческого, французского и немецкого; помимо глубочайшего изучения русской словесности, математики и естественных наук. Для получения золотой медали нужны были не только блестящие способности, которыми обладал Б.С. Хоминский, но и упорный труд — никакие компромиссы, положение родителей не шли во внимание: гимназия с детства воспитывала порядочных и образованных людей, граждан Отечества.

Стремление к естественным наукам, возможность с их помощью познать и раскрыть тайны мироздания определили первоначальный выбор профессии, и Б.С. Хоминский поступил на геологический факультет Московского университета. Однако краткий период обучения показал, что геология слишком далека от человека, преподавание оказалось «мертвым» и скучным, а воспоминания об отце, работавшем с полной отдачей сил, врачебные гены, полученные в наследство, настоятельно требовали действенной помощи людям. Все это стало причиной того, что Борис Степанович перевелся на медицинский факультет Киевского университета Святого Владимира. Здесь его ожидала встреча с яркой плеядой профессоров и доцентов, каждый из которых заслуживал отдельного внимания, здесь же студента-медика ожидали непростые дни Октябрьского переворота и Гражданской войны.

В годы Гражданской войны власть в Киеве менялась много раз, иногда дважды в день. Все это прекрасно описано в романе «Белая гвардия» (пьесе «Дни Турбиных») М.А. Булгакова — любимом литературном

произведении Б.С. Хоминского. Когда пьеса в 20-е годы была разрешена для постановки на сцене МХАТ, дамы в зале теряли сознание, узнавая в действующих лицах себя и своих близких. Б.С. Хоминский также стал одним из действующих героев этой пьесы. Но не в романе, а в жизни молодой студент голодал, еще более страдал от холода, комнатушка, которую он снимал, зимой промерзала насквозь. «Холод страшнее, чем голод», — нередко говорил Борис Степанович. Однако учебу не бросил. После занятий ходил в Ботанический сад и, пожевав вместо хлеба листочек клена, читал философские произведения Канта. Чудом избежав мобилизации, в 1921 г. Борис Степанович окончил Университет и получил диплом врача.

После окончания университета (1922–1929) Б.С. Хоминский работал в Киевской психиатрической больнице имени акад. И.П. Павлова, совмещая врачебную практику психиатра и патологоанатома с научной деятельностью. Это были первые шаги к углубленному изучению центральной нервной системы, поиск морфологического субстрата психических нарушений, философское осмысливание раздвоения душевной и телесной субстанции человека. Однако в дальнейшем Борис Степанович отказался от лечебной работы психиатром, что было продиктовано социальными причинами.

В 30-е годы в психиатрическую больницу начали массово поступать пациенты — жертвы так называемого «раскулачивания». Это были люди, кровью и потом сколотившие свой крестьянский капитал, труженики, не знавшие ни отдыха, ни роскоши праздной жизни, оторванные от возделываемой и любимой ими родной земли, вмиг лишившиеся всего: изгнанные, сосланные, скрывавшие свои имена и потерявшие семьи. Истории их болезни с врачебными записями бреда и мании становились обличительным документом бесчинств и преступлений власти против своего народа. В то же время такие записи могли стать причиной ареста и гибели лечащего врача-психиатра. При вынесении приговора для Бориса Степановича отсутствие рабоче-крестьянского происхождения и дворянские корни также могли сыграть отрицательную роль.

Итак, с карьерой врача-психиатра пришлось проститься. Б.С. Хоминский с головой окупнулся в проблемы теоретической и клинической патологической анатомии — науки, стоящей на грани жизни и смерти. До 1940 г. Борис Степанович был старшим научным сотрудником, а затем заведующим патоморфологической лаборатории Киевской психиатрической больницы.

Круг интересов Б.С. Хоминского всегда был необычайно широк и многогранен. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию «Материалы по гистохимии липидов при патологии нервной системы». Этот научный труд не только опередил свое время, но и не утратил значение ныне.

Великая Отечественная война застала Бориса Степановича в Харькове. Семья не успела эвакуироваться в связи с рождением дочери. Через несколько месяцев опухшие от голода, с младенцем на руках, добрались до Брянщины, где остались земельный участок, хата родителей и можно было выжить. Здесь Борис Степанович оказывал посильную помощь местному населению — по селам свирепствовал сыпной тиф. Часто к помощи врача прибегали и местные партизанские отряды: фамилия Хоминских как врачей была хорошо известна в округе.

После войны командир партизанского отряда Константин Ковалев выдал Б.С. Хоминскому свидетельство партизанского врача, но Борис Степанович со свойственной ему принципиальностью никогда не использовал этот важный для жизни и карьеры документ, считая, что для его получения он должен был находиться непосредственно с партизанами в брянских лесах. А все, что он делал для партизан, — это выполнение долга врача. При этом полностью игнорировал ту смертельную опасность, которой подвергал себя и семью, если бы в немецкую комендатуру поступил донос о связи с партизанами.

После освобождения Брянщины Борис Степанович работал в местном военкомате, в 1945 г. возвратился в Киев для организации и руководства патоморфологической лабораторией Киевского психоневрологического института. После реорганизации Психоневрологического института и создания на его базе Киевского института нейрохирургии (1950 г.) продолжал руководить лабораторией вплоть до своей кончины.

С момента возвращения в Киев до 1965 г., почти 20 лет, Борис Степанович с семьей проживали на территории Института по улице Воровского, 27, где работа и быт сливались и переплетались настолько, что грани рабочего дня и отдыха совершенно стирались. Б.С. Хоминский брал с собой в отпуск на дачу, которую снимали в с. Летки под Киевом, книги по биологии и медицине и занимался научным трудом, написанием монографий. Нередко отпуск профессора оживлялся появлением диссертантов, которые с его разрешения и без такового привозили пухлые тома научных работ, на чтение и исправление которых уходили драгоценные дни отпуска. Прочтение этих работ всегда было сверхсерьезным. Недаром существовало мнение: «Если Борис Степанович допустил к защите, никакой ВАК не страшен».

Психоневрологический институт, а затем Институт нейрохирургии первоначально располагался на территории когда-то роскошной усадьбы водолечебницы доктора Лапинского, где еще прежними владельцами в дореволюционное время были разбиты аллеи и клумбы, поставлены беседки и фонтаны, созданы искусственные пруды с мостиками над ними. Сейчас там размещается Институт ортопедии и травматологии, и территория с особняком полностью уничтожена. В послевоенное время, хотя все это и пришлось в упадок, но белые колонны, искусственно созданные нагромождения гранита в оврагах вместо спущенных прудов, вековые деревья — словом, вся природа, включая типичный киевский ландшафт, должна была способствовать восстановлению душевного покоя и здоровья пациентов.

Здание Института, построенное в виде старинного замка, в подражание английской готике, имело загадочный и романтический облик. Однако жилые помещения для персонала производили иное впечатление: узкие коридоры, крутая лестница, отсутствие элементарных удобств, печное отопление делали быт проживавших профессоров (кроме проф. Б.С. Хоминского, впоследствии здесь жили проф. Я.И. Гейнисман и Т.М. Сергиенко), многочисленных врачей и сотрудников весьма непросто. Уголь и дрова для печного отопления, приготовления пищи в первые послевоенные годы по крутой лестнице поднимали сами или с помощью пленного немецкого солдата.

Трудности быта сглаживала и брала на себя жена профессора Феония Евсеевна Хоминская — педагог,

посвятившая себя сначала ликвидации безграмотности сельского населения, а в последующем — поддержке мужа и воспитанию двух дочерей. В каменной печурке на дровах выпекались неповторимые по вкусу пироги, а в доме летали ангелы любви, поскольку любовь Бориса Степановича к детям и особенно к жене была безмерной.

Строительство так презираемых сейчас людьми, не знающими послевоенного Киева, «хрущевок» освободило многих киевлян от «общезительного» образа жизни. Хотя по старой привычке и в новой «хрущевке» долгие годы профессорская квартира не запиралась. Впрочем, и красть-то было особенно нечего.

С момента образования Киевского НИИ нейрохирургии (1950 г.), несмотря на более чем напряженный ритм работы, во время обеденного перерыва в парке Института можно было увидеть весь врачебный персонал. Молодые ординаторы, врачи, лаборанты ежедневно играли здесь в волейбол. Среди них были будущие профессора, доценты и академики: акад. А.П. Ромоданов, акад. Ю.А. Зозуля, профессора и доценты А.А. Кристер, П.Г. Тананайко, Б.А. Пельц, Л.П. Чепкий, Т.М. Сергиенко, А.Е. Дунаевский, П.А. Пронзев, В.Г. Караванов, Г.С. Даниленко, А.Л. Духин, О.А. Лапоногов, Ю.С. Бродский и многие другие. Высокие научные звания были еще впереди, а в волейбол играли сильные, красивые, азартные молодые люди, уже опаленные пламенем войны, как никто знавшие цену жизни, потому и борющиеся за жизнь своих пациентов до конца. Директор института профессор А.И. Арутюнов, еще не академик (это будет в 1967 г.), прохаживался по дорожкам парка, иногда и сам играл в волейбол. Ночью обязательно приезжал в Институт посмотреть на прооперированного им больного.

Создание лаборатории патоморфологии начиналось с нуля. Располагалась она в конце старинного здания на первом этаже. Большие окна вровень с землей выходили в парк. Спасаясь от присущего профилю лаборатории запаха формалина и ксилола, выносили столы на улицу и нередко, используя яркое дневное освещение, просматривали препараты. Вытяжные шкафы еще не работали, хотя на оснащение лаборатории шло все: стеклянная посуда выносилась из дома; флакончики из-под духов, баночки, найденные детьми в саду, тщательно отмывались, обрабатывались и использовались для проводки материала и хранения реактивов. Сюда же уходили личные средства профессора Б.С. Хоминского. Это было естественно.

В то же время в двух профессорских комнатах (кабинет и столовая, где спали дети) мебель в основном была казенная, с институтскими инвентарными номерами и состояла из металлических кроватей с железными сетками, матрасов и цейсовских шкафов, переполненных книгами (в основном по специальности и классикой художественной литературы), планшетами с препаратами, иногда появлялись и макропрепараты, против чего обоснованно возражала жена профессора, всегда поддерживавшая мужа в других вопросах. Вся мебель в полной сохранности была сдана в хозчасть Института при переезде на новую квартиру.

Занятия с учениками, изучение препаратов, микрофотографий, установление диагноза: астроцитомы, глиома, менингиома — всем этим была наполнена не только лаборатория, но и вся жизнь вне ее. Благодаря руководителю, это был *modus vivendi* всех научных сотрудников лаборатории. Среди них талантливая, неповторимо обаятельная — ныне доктор медицинских

наук Инна Александровна Бродская, недавно отметившая 90-летний юбилей, Яков Моисеевич Гусовский, Валентина Захарьевна Косарева, врач-лаборант Нина Филипповна Трудолобова, препаратор Надежда Саввична, позже в лабораторию пришли будущие профессора Вадим Филиппович Тушевский, Юрий Николаевич Квитницкий-Рыжов. Еще позже, уже на новой территории, в лаборатории начали работать будущий профессор, заслуженный деятель науки и техники, бесценный помощник и соратник Б.С. Хоминского М.И. Шамаев, профессор Т.П. Верхоглядова, профессор В.М. Семенова, высококвалифицированный врач-патогистолог И.Г. Рашеева, старший лаборант, потомственный сотрудник Института Н.М. Козлова-Зайцева.

Активно работала фотолаборатория, выполняющая важную функцию — создание фотоархива. О компьютерах в те годы еще не знали. Первого фотографа лаборатории Михаила Михайловича сменил талантливый специалист, участник войны Евгений Георгиевич Нехотяев, у которого филармоническая карьера певца была прервана пулевым ранением в горло. Большую помощь лаборатории оказывала Екатерина Алексеевна Данкевич (знаменитая фото-Катя). Все названные, да простят нас неназванные сотрудники, были яркими индивидуальностями, что способствовало созданию и поддержке постоянного высокого научного рейтинга лаборатории.

Проекторские разборы превращались в научные конференции и диспуты, во время которых клиницисты наталкивались на бескомпромиссный диагноз Бориса Степановича. Принципиальная позиция профессора-морфолога, непоколебимая даже под нажимом директорского авторитета, была хорошо известна клиницистам: последнее обоснованное слово всегда оставалось за патоморфологом.

История помнит, что в конце 40-х — начале 50-х годов научное пространство биологии и медицины далеко не всегда было безоблачным. Одна за другой прокатывались «разоблачительные» кампании. Было начато пресловутое дело «врачей-вредителей», среди которых оказались студенческие друзья Бориса Степановича. К счастью, черная птица пролетела мимо. Обошлось и в следующий раз: не накрыла, только коснулась своим черным крылом — начался лысенковский поход против генетики.

Сейчас, в XXI веке, на фоне успехов геномной инженерии, расшифровки геномного кода такие заявления могут вызвать улыбку, но тогда обвинение в вейсманнизме-морганизме было равносильно приговору. По сцене обшитою ореховым деревом конференц-зала Института передвигалась некая «биологическая» личность и резким отвратительным голосом обличала профессора: «А Вы помните, Борис Степанович, что в своем труде (назывался написанный до войны труд — раскопал-таки) Вы утверждали о наследственном характере заболевания?» Бледный, потрясенный Борис Степанович: дети похожи на родителей, родители на своих родителей — это знает даже ибыватель, что это — крах науки? Сын этого человека также унаследовал гены своего отца. Валидол не помог. Зал испуганно молчал. От страха? После этого собрания странный незнакомый человек сидел на лестнице несколько дней. Молчал. Наблюдал. За кем? Признание генетики еще далеко впереди.

Научные поиски проф. Б.С. Хоминского всегда были связаны с кардинальными вопросами нейрохи-

рургической патологии, опережая время и выходя за границы сегодняшнего дня. Его яркий ум был всегда обращен к наиболее актуальным и животрепещущим проблемам морфологии, а его научные труды всегда носили характер фундаментальных исследований.

Б.С. Хоминским разработана проблема нарушенный липидного обмена в ткани головного мозга при липидозе и деструктивных процессах в ткани мозга различного генеза, в том числе в перифокальной зоне опухолей (докторская диссертация, 1940 г., работы 1940–1962 гг.). Изучен процесс и обосновано понятие деструктивно-резорбтивного ожирения.

Б.С. Хоминский уделял большое внимание проблеме воспалительных заболеваний мозга (1947–1962). На основе анализа обширного материала решены многие дискуссионные вопросы, касающиеся механизмов возникновения и течения абсцесса мозга, путей метастазирования из первичного гнойного очага. Исследованы процессы образования гранулем вокруг инородных тел в ткани мозга, установлены принципиальные различия между инфекционными и неинфекционными гранулемами и особенности их хирургического лечения. Научные труды в этом направлении не утратили актуальности и в настоящее время. Ряд работ Б.С. Хоминского посвящен проблеме микоза центральной нервной системы, проведена дифференциальная диагностика с различными видами грибового поражения мозга.

Научные устремления Бориса Степановича всегда были тесно связаны с запросами клиники: патоморфологические изменения при синдроме Ландри, эрготизме, туберкулезном менингите, дизентерии, паразитарных заболеваниях, прогрессирующем параличе.

Ценными для медицины являются исследования Б.С. Хоминского, посвященные проблеме отека и набухания головного мозга, причинам, механизмам патогенеза и последствиям внутричерепной гипертензии, ее обратимости (1954–1962). Детально изучены и описаны процессы дислокации и вклинения вещества мозга, их варианты и клинические проявления.

Неоценимый вклад в мировую науку внес Б.С. Хоминский своими фундаментальными работами в области нейроонкологии. Он основоположник нового, прогрессивного гистобиологического направления в нейроонкологии, которое успешно разрабатывали его ученики. Б.С. Хоминским разработаны теоретические и методологические основы этого направления.

С позиций общей онкологии Б.С. Хоминский впервые в отечественной медицине исследовал проблему прогрессирования нейроэктодермальных опухолей, проанализировал вопросы его обязательности и разнонаправленности, неравномерности проявлений в условиях применения химиотерапии.

Б.С. Хоминским обоснованы патогенетические механизмы бластоматозной трансформации нейроэктодермальных опухолей, установлены закономерности их роста, предложено понятие экспансивно-инфильтративного роста. Разработаны морфологические и биологические критерии злокачественности нейроэктодермальных опухолей, определены основные признаки, положенные в основу трактовки опухолевого роста.

Общебиологическая позиция позволила Б.С. Хоминскому решить ряд дискуссионных вопросов общей онкологии, касающихся понятий «анаплазия» и «катаплазия» применительно к нейроэктодермальным опухолям. К этой проблеме Борис Степанович возвращался в работах 70-х годов, когда на основании анали-

за результатов новых гистохимических исследований он пришел к выводу о целесообразности применения термина «катаплазия» в отношении эктодермальных опухолей.

Важным направлением деятельности Б.С. Хоминского, выходящим за рамки нейроонкологии, явилась разработка проблемы «промежуточных» форм опухолей (недифференцированные, или атипические, опухоли), что созвучно запросам как общей онкологии, так и практической нейрохирургии.

Результатом многолетней работы стала созданная проф. Б.С. Хоминским классификация нейроэктодермальных опухолей (1963–1977), которая получила широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом, не утратив своего научного и практического значения и сегодня. Разработка классификации начата Борисом Степановичем еще в 50-е годы и продолжалась, постоянно совершенствуясь, до последних дней его жизни. В основу классификации положен гистобиологический принцип (гистогенез и степень злокачественности опухоли), в соответствии с которым нейроэктодермальные опухоли подразделены на относительно доброкачественные, опухоли промежуточного характера и злокачественные.

Созданный Борисом Степановичем отдел нейроморфологии стал ведущим центром Украины по изучению проблем нейрохирургической патологии. Авторитет проф. Б.С. Хоминского в вопросах патоморфологии нервной системы был общепризнанным как на территории бывшего Советского Союза, так и за рубежом. Свидетельством этого явилось порученное именно ему редактирование 2-го тома «Многотомного руководства по патологической анатомии» (1962). Большинство разделов этого тома, в том числе наиболее обширная глава «Опухоли нервной системы», написаны самим Б.С. Хоминским.

Итогом многолетних исследований Бориса Степановича явилась монография «Гистологическая диагностика опухолей центральной нервной системы» (1969), представляющая собой всеобъемлющее руководство по данному вопросу. В книге приведены общие данные об особенностях структуры опухолей нервной системы, необходимые для дифференциальной диагностики. В сводной таблице с краткими комментариями приведены сведения о распределении опухолей соответственно той или иной локализации, клинико-анатомическом своеобразии и степени дифференцировки опухолей различных отделов ЦНС, что чрезвычайно важно для клинической практики. Книга содержит 187 микрофотографий гистологических препаратов секционного и биопсийного материала, учтены потребности прозекуры любого лечебного учреждения, поэтому использованы преимущественно препараты, окрашенные обычными доступными методами (гематоксилином и эозином, импрегнация нитратом серебра аргирофильных волокон).

В последней главе изложена техника изготовления гистологических препаратов, которой сам Борис Степанович владел безукоризненно. Он никогда не поручал сотрудникам внедрение нового метода, предварительно не отработав его самостоятельно, нередко с вариантами модификаций. Все новые и даже стандартные методики приготовления гистологических препаратов были испещрены дополнительными комментариями профессора о возможности замены дефицитного красителя доступным, оптимальной экспозиции окраски, возможных технических погр-

решностях и путях их преодоления. Такое знание вопроса позволило создать эту книгу-руководство, книгу-атлас, необходимую морфологу в повседневной работе при гистологической диагностике опухолей нервной системы. Книга на десятилетия пережила своего автора.

Каждая из 107 опубликованных Б.С. Хоминским работ являлась результатом тщательного изучения вопроса и отличалась отточенностью стиля и совершенством умозаключений.

Профессор Б.С. Хоминский был представителем гистобиологического направления в нейроонкологии, он постоянно подчеркивал необходимость патогенетически обоснованной трактовки и биологической интерпретации данных морфологических исследований. Вместе с тем, углубляя научное видение биологических процессов от макропрепаратов до клеточных и субклеточных структур, электронной микроскопии, гистохимических процессов на уровне микрокосмоса, Б.С. Хоминский беспрепятственно переносил и расширял научные трактовки до уровня всего организма.

Наряду с высокой профессиональной эрудицией и знанием клинических дисциплин, Борис Степанович был всесторонне образованным человеком, хорошо ориентировался в вопросах философии, биологии, литературы и искусства. Сейчас кажется невероятной способность человека вместить весь широкий и многогранный круг знаний и интересов, которыми обладал Борис Степанович. Он умел ценить быстротекущие дни жизни и никогда не тратил их на бездействие или праздные разговоры. Достаточно сказать, что Борис Степанович знал 9 (!) языков. Среди них знание латыни и греческого, французского и немецкого, полученные еще в гимназии, благодаря уникальной памяти и лингвистическим способностям использовались в течение всей жизни. Поскольку в послевоенные годы специальная литература стала в основном англоязычной, а также благодаря появившейся возможности публикаций научных достижений в иностранных журналах и коммуникаций с зарубежными коллегами, Борис Степанович без труда изучил английский язык. Помимо этого, он свободно владел польским и в связи с научными контактами изучал чешский язык.

Особенно бережное отношение было у Б.С. Хоминского к украинскому языку. Эта не модная в те времена приверженность была продиктована зовом сердца, истинной любовью к земле, на которой он жил и работал, которая дала ему высокое право называться украинским ученым. Украинским языком Борис Степанович владел безукоризненно. Благодаря его безупречному литературному и театральному вкусу, произведения И.К. Карпенко-Карого, И.С. Нечуй-Левицкого, М.П. Старицкого и других украинских классиков в исполнении талантливой плеяды актеров театра имени Ивана Франко в семье смотрели много раз и знали чуть ли не наизусть. Наряду с этим он был большим знатоком и почитателем русской классической литературы, а также драматургических произведений Н.А. Островского, А.П. Чехова, А.М. Горького, М.А. Булгакова. Прекрасно знал античную литературу. Его всегда интересовали произведения древних и современных философов. Надо сказать, что православное учение и религиозная философия занимали в его жизни особое место еще с гимназических времен, от христианского мировоззрения Борис Степанович не отступал никогда.

Его основным увлечением на досуге были рыбалка и охота. Жители многих сел и предместий Киева часто могли видеть профессора с неизменным выгоревшим рюкзачком или с ружьем и охотничьей собакой спаниелем Джеком с большей или меньшей добычей. Борис Степанович всегда был приветлив, интересовался всеми проблемами сельского быта, искренне, по-детски восхищался пусть грубоватым, но истинно народным юмором. В лицах, не без тонкого артистизма, рассказывал потом домашним охотничьи приключения, в которые нередко попадали они с профессором Т.М. Сергиенко, вплоть до ложных наводок местных жителей на озера с домашними утками в целях получения больших компенсаций — но бывалых охотников не провести!

Прогулки по заливным лугам Деснянщины, Чертороя, старым руслам Днепра были незабываемы. Шли пешком или на тяжелом гребном баркасе плыли он и его дети, любуясь красотами родной земли, которые сейчас уже погибли или погибают под наступлением «цивилизации». Летали голубые с красным, почти тропические птицы-зимородки, небо дрожало от пения жаворонков, кузнечики тучами прыгали в разные стороны от луговых дорожек, знойный воздух дрожал над полями. Неожиданно проносились утки-чирки и более тяжеловесные кряквы. Борис Степанович вскидывал руки и как бы прицеливался. Все было наполнено пьянящим запахом медуницы, зубровки, разнотравья. Черпали воду прямо из лугового озера, на котором свежо и ароматно плавали белые и желтые лилии, разводили костер и пили чай, заваривая чебрецом и душицей. Ласковое солнце, облака — неповторимый, утерянный мир. «Благодать, благодать Господня», — говорил Борис Степанович, ложась на теплую, прогретую солнцем землю.

Борис Степанович был прекрасным семьянином, горячо, беззаветно, можно сказать, старомодно (в хорошем понимании слова) любил свою жену и в этом чувстве был однолюбом. Жена же, в свою очередь, была истинным другом, опорой, помощницей и сестрой милосердия во всех трудностях и испытаниях жизни. Вместе они были великолепными воспитателями своих детей, именно потому, что специально этим в семье никто не занимался, существовал только один воспитательный фактор — личный пример. После небольшого послеобеденного отдыха и прогулки в кабинете загорался свет — это означало, что отец опять сел за научные труды (он работал обычно до двух часов ночи). Соответственно звать к сознанию детей не приходилось: учились хорошо и старались не подводить родителей, не уронить честь фамилии. Наследство, оставленное детям, представляло собой не материальные ценности — у профессора-бессребренника их просто не было, а состояло из духовно-религиозных основ, высшего образования и книг. Борис Степанович считал, что это главные ценности в жизни.

Старшая дочь, Мария Борисовна, окончила Киевский медицинский институт с красным дипломом и сейчас продолжает дело отца — она доцент кафедры патологической анатомии Национального медицинского университета имени А.А. Богомольца, квалифицированный диагност-патогистолог высшей категории. Младшая дочь, Зинаида Борисовна — научный работник, профессор, заведующая лабораторией эндокринологии Института педиатрии, акушерства и гинекологии НАМН Украины. Надо сказать, что, оставаясь всю жизнь идеалистом, Борис Степанович очень

хотел, чтобы дети продолжили традиции дедушки — земского врача — и очень сожалел, что младшая дочь оставила лечебную работу участкового врача-педиатра и посвятила себя научной работе, несмотря на ее успехи на этом поприще. В действенном служении своему народу он видел основной смысл бытия.

В круг знакомых семьи входили интересные, по-настоящему образованные люди: гимназические и университетские товарищи. За столом всегда велись содержательные и познавательные беседы, касающиеся культуры, медицины, религии, философии. Звучали патефонные пластинки и магнитофонные записи: романсы, песни и арии в исполнении Надежды Обуховой, Ивана Козловского, Сергея Лемешева, Бориса Гмыри, Николая Ворвулева, Петра Лещенко, Александра Вертинского, а позднее — Владимира Высоцкого, Александра Галича, Булата Окуджавы. Друзей выбирали не по положению в обществе, не по принципу «нужности», а по сердечной привязанности, по выверенному трудностями жизни товариществу, поэтому такие встречи всегда были желанными, превращались в праздники, к сожалению, из-за занятости, не частыми.

Иногда среди гостей возникали разногласия, совершенно невероятные для периода безбожья, царившего тогда в стране. Так, регент Макарьевской церкви, он же научный сотрудник, врач-ветеринар Киевского зоопарка Иван Семенович Черняховский заводил спор с регентом Ильинской церкви Верой Захарьевной о правильности хорового сопровождения православной службы. Оба твердо стояли на своих позициях, весьма далеких и чуждых вопросам построения коммунизма, но необходимых для формирования собственных душ. После чего прекрасным баритоном на латинском языке Иван Семенович исполнял старинный студенческий гимн «*Gaudeamus igitur*» или одну из духовных стихир.

Университетский друг Бориса Степановича Аким Михайлович Фарберг, всю свою долгую жизнь посвятивший лечению пациентов Павловской больницы, читал свой трактат-размышление о Н.В. Гоголе. Все это наполняло и развивало ум и души, спасало от будничности и пустых обывательских бесед. Всех собравшихся, в первую очередь, интересовало мнение Бориса Степановича по тому или иному вопросу.

Поскольку жить на работе было стилем его жизни, профессор Б.С. Хоминский нередко последним покидал лабораторию, где его иногда и закрывали. Велико было изумление старшего лаборанта Н.М. Зайцевой, случайно вернувшейся и увидевшей, как семидесятилетний профессор совершенно спокойно покидает свой кабинет через открытое на первом этаже окно. Это происшествие нисколько не смутило Бориса Степановича, так как хорошая спортивная форма, легкая походка и почти военная выправка отличали его до последних дней жизни. Когда в результате стрессов и достаточно серьезных болезней начались приступы аритмии, Борис Степанович в шестидесятилетнем возрасте впервые в жизни стал на лыжи и, убегая от инфаркта, уходил в заснеженные дали Левобережья, полностью овладев техникой лыжного спорта.

Скромность и интеллигентность Бориса Степановича в вопросах жизненной и профессиональной этики были неотъемлемой частью его натуры. Он был прекрасным педагогом: под его руководством отдел нейроморфологии стал ведущим центром Украины

не только по фундаментальности и прикладному значению научных разработок, но и по подготовке высококвалифицированных кадров для медицинских учреждений всего Советского Союза.

Профессор Б.С. Хоминский создал отечественную школу нейроморфологов, которая плодотворно развивает идеи своего Учителя и сейчас. Сам Борис Степанович всегда щедро делился своими глубокими и разносторонними знаниями с многочисленными учениками и последователями. Он воспитал большое число высококвалифицированных специалистов-патоморфологов, нейрохирургов, невропатологов. Под его руководством были выполнены и успешно защищены 15 докторских и 24 кандидатских диссертации. В частности, вместе с академиком А.И. Арутюновым профессор Б.С. Хоминский был научным консультантом докторских диссертаций двух директоров Института нейрохирургии — академика А.П. Ромоданова и академика Ю.А. Зозули.

Научная и практическая деятельность профессора Б.С. Хоминского всегда органически сочеталась с общественной. До последних лет жизни он координировал активное внедрение научных достижений лаборатории и внимательно следил, как они освещались в публикациях ведущих научных журналов нашей страны и за рубежом, на научных конференциях и съездах. На протяжении многих лет Б.С. Хоминский был председателем Киевского общества патологоанатомов, рейтинг которого в те годы был необыкновенно высок. Заседания общества становились настоящими научными диспутами, здесь выступали светила отечественной науки, а взойти на его высокую кафедру молодые ученые почитали за высокую честь. Борис Степанович был почетным членом правления Всесоюзного общества патологоанатомов, почетным членом Украинского общества нейрохирургов, членом редакционных советов журналов «Вопросы нейрохирургии» и «Архив патологии».

Учитывая запросы безудержного развития биологии и медицины, профессор Б.С. Хоминский способствовал созданию в отделе двух лабораторий: электронной микроскопии и тканевых культур. Обе лаборатории позже возглавили ученики Бориса Степановича: профессор В.Ф. Тушевский и профессор Т.П. Верхоглядова.

В настоящее время отдел нейроморфологии возглавляет талантливый ученый, заслуженный деятель науки и техники Украины профессор Михаил Иванович Шамаев, любимый ученик и соратник профессора Б.С. Хоминского, хранитель и продолжатель славных традиций отдела уже на следующем витке XXI столетия.

В лице основателя патоморфологического отдела Института нейрохирургии АМН Украины профессора Б.С. Хоминского и его продолжателей XIX век соединился с XXI веком. В сердцах людей, лично знавших профессора Б.С. Хоминского и знакомых с ним по его научным трудам и фотографиям, всегда живет память о вдумчивом, интеллигентном, красивом человеке, светлой личности, большом бескомпромиссном ученом, пристально и внимательно смотревшем в будущее нашей науки, без лишних слов и пафоса посвятившем свою жизнь служению народу, свято пронесшем через всю жизнь девиз Университета Святого Владимира: «Польза, честь и слава!». Свет научных трудов профессора Бориса Степановича Хоминского сделал более ярким факел отечественной науки.